© ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 № 13, 2009

Ирина Шуленкова

# Современные популистские режимы: сравнительный анализ Беларуси и Венесуэлы

## Введение

Известно, что в социальных науках сложно найти понятие, имеющее единое, общепринятое определение. Каждый исследователь имеет свое видение, какие атрибуты присущи тому или иному явлению. Понятие «популизм» – одно из самых сложных в этом отношении, так как разные исследователи в разное время использовали этот термин для обозначения разных феноменов: начиная со стиля речи и заканчивая определенной ступенью развития в процессе модернизации государства. В данной работе понятие «популизм» используется для обозначения определенной политической стратегии, когда харизматичный лидер напрямую апеллирует к широким массам, минуя какие-либо посреднические политические институты. Особую неприязнь у популистов вызывают политические партии: популисты никогда не полагаются на них, а если и создают какую-либо партию, то она служит лишь их личным интересам. Такое понимание популизма широко используется современными исследователями Куртом Уэйландом (Kurt Weyland) и Кеннетом Робертсом (Kenneth Roberts).

Понятие популизма как политической стратегии обычно применяется в отношении стран Латинской Америки. Этот континент имеет долгую историю популизма, начиная с 1930–1960-х гг., когда сформировалась первая волна популистских режимов (Ласаро Карденас в Мексике, Виктор Рауль Айя де ла Торре в Перу, Жетулиу Варгас в Бразилии и Хуан Перрон в Аргентине). В конце XX – начале XXI в. наблюдается возникновение новых популистских режимов не только в Латинской Америке, но и в Восточной Европе, однако исследователи не спешат анализировать восточноевропейские режимы и сравнивать их с аналогичными латиноамериканскими. Эта статья представляет собой попытку устранить этот пробел и предлагает сравнительный анализ популистских режимов Уго Чавеса (Венесуэла) и Александра Лукашенко (Беларусь). Основным аргументом является тезис о том, что два режима, несмотря на то что они установились в таких разных по историческим, культурным, геополитическим, экономическим и иным харак-

теристикам странах, очень похожи и являются примерами классического популизма.

Однако прежде чем приступить к основной части, т. е. сравнительному анализу, в статье предлагается краткая теоретическая часть о популизме как политической стратегии и небольшая историческая справка о политических процессах в Венесуэле и Беларуси. Это представляется необходимым для того, чтобы понять причины, которые сделали реальной саму возможность прихода к власти популистов в двух анализируемых государствах.

## I. Популизм как политическая стратегия

Вплоть до 1980-х гг. большинство исследователей использовали кумулятивную концепцию популизма при изучении стран Латинской Америки. Популизм для них включал признаки из политической, экономической и социальной сфер. С точки зрения политической сферы популизм предполагал наличие харизматичного лидера, предпочитающего персональный и плебисцитарный стиль правления. Популист традиционно пренебрегал любыми посредническими политическими институтами и устанавливал прямой контакт с большей частью неорганизованными массами сторонников. В социальной сфере популизм характеризовался гетерогенной массой сторонников, которая включала в себя различные слои городского населения. Основным элементом обеспечения такой многоклассовой поддержки было предоставление различных социальных и материальных благ. В сфере экономики популизм рассматривался как особая ступень в переходе от традиционного к современному обществу и импортозамещающей индустриализации. Эта фаза характеризовалась националистической экономикой, нацеленной на внутреннее развитие (Weyland, 2001: 5).

Как уже отмечалось, такое классическое понятие популизма было весьма популярно при анализе развития стран латиноамериканского континента середины XX в. Однако этот период сменился новыми политическими и экономическими реалиями, а политики и исследователи признали, что эра популизма закончилась. Третья волна демократизации началась в 1974 г. в странах Южной Европы, а затем распространилась на Латинскую Америку, Центральную и Восточную Европу и Африку – с продвижением неолиберальных реформ. Этот процесс принес понимание того, что возврат к популизму в демократических государствах невозможен, так как этот вид политической стратегии несовместим с рыночной экономикой.

Однако в 1990-х гг. исследователи были вынуждены признать появление новых лидеров-популистов, напрямую апеллирующих к народу и пользующихся массовой поддержкой, которые запускали и пропагандировали неолиберальные реформы. В этой связи К. Робертс отмечал, что «*популистские тактики руководства страны могут помочь в принятии низшими классами тех*

*экономических мер, которые в ином случае могут спровоцировать политическую обратную реакцию»* (Roberts, 2000: 2). Примерами таких старых/новых веяний могут служить правительства Менема в Аргентине, Коллора в Бразилии, Фухимори в Перу и Переса в Венесуэле (Weyland, 1999: 381). Такие же процессы, которые наблюдались в Латинской Америке, протекали и в центрально- и восточноевропейских странах. Борис Ельцин в России, Лех Валенса в Польше и в какой-то степени Леонид Кучма в Украине использовали популистские тактики в начале проведения рыночных реформ (Weyland, 1999: 381). Такое сосуществование стратегии популизма и рыночной экономики бросало вызов существующей кумулятивной теории популизма, и исследователи были вынуждены принять теорию неопопулизма.

Суть нового подхода к теории популизма заключается в том, что теперь основным критерием в определении являются признаки политической сферы, упомянутые выше. Социальные и экономические факторы могут также прилагаться к анализу, но их наличие уже не является обязательным, как это было в классической теории популизма. Таким образом, популизм как политическая стратегия характеризуется следующими признаками: «*Лидер апеллирует к многоклассовым массам сторонников, которые чувствуют себя заброшенными и свободны для мобилизации; лидер общается с последователями напрямую в квазиперсональной манере, пренебрегая имеющимися посредническими политическими институтами, в особенности партиями; если лидер создает или воссоздает старую популистскую партию, она становится средством для продвижения личных интересов лидера и характеризуется низким уровнем институционализации*» (Weyland, 1999: 381).

Однако на этом история теории популизма не заканчивается. Президент Боливии Эво Моралес активно национализирует природные ресурсы. Уго Чавес пришел к власти в Венесуэле в 1998 г., и с тех пор страна испытывает крен влево: Чавес восстанавливает государственную собственность на промышленные предприятия и сельскохозяйственные земли путем их экспроприации в качестве не приносящих дохода. Он тратит деньги, заработанные на продаже нефти, на различные социальные программы и спонсирует радикальные движения в Латинской Америке (Llosa, 2006). Эти примеры показывают, что концепция классического популизма не ушла в небытие и все еще применима для понимания истории стран Латинской Америки и не только. В этой статье будет продемонстрировано, что и режим Александра Лукашенко подходит под определение классического популизма, схожего с режимом Уго Чавеса.

## II. Венесуэла и Беларусь: почему популизм стал возможен

Кеннет Робертс в своей работе о популизме в Латинской Америке приводит два интересных аргумен-

та. Во-первых, популистский режим возможен в странах, где массы, свободные для мобилизации (которые обычно включают в себя многочисленные низшие классы общества), не представлены в достаточной мере политическими институтами, такими как политические партии, и лишены организационных форм для выражения своего мнения на политической арене.

Во-вторых, популизм имеет двойственные отношения с политической демократией. С одной стороны, такой режим возникает как реакция на запросы низших классов о включении их в политический процесс и может быть установлен через демократические, т.е. избирательные процедуры. С другой стороны, популистский режим существует в условиях институциональной слабости, и лидеры имеют тенденцию к использованию недемократических методов правления, которые не соответствуют таким важным демократическим институтам, как система «сдержек и противовесов», верховенство закона и политический плюрализм (Roberts, 2000: 2–3).

Теперь давайте посмотрим, какая политическая обстановка существовала в Венесуэле на момент прихода к власти Уго Чавеса. С 1958 по 1998 гг. Венесуэла переживала так называемую эру «Puntofijismo». Свое имя она получила от названия места (Punto Fijo), где основные политические партии после окончания военной диктатуры подписали пакт о том, чтобы построить современное государство на демократических принципах (средства для модернизации планировалось получать от продажи нефти, которая национализировалась). Этот пакт в то же время закреплял за каждой партией бюрократические посты. После решения некоторых внутренних противоречий политических партий осталось две: «Демократическое Действие» (Accion Democratica, AD) и Социально-христианская партия (Comite de Organizacion Politica Electoral Independiente – Partido Cristao Social de Venezuela, COPEI). Таким образом, в Венесуэле сложилась двухпартийная политическая система, основанная на нефтяном национализме, модернизации и демократии (Hellinger, 2006: 5).

План модернизации набирал обороты до тех пор, пока в 1983 г. страна не оказалась в сильнейшем экономическом кризисе. Правительство было бессильным в борьбе с ним, и страна, настолько богатая природными энергетическими ресурсами, погрязла в коррупции, бедности и социальном неравенстве. В 1989 г. правительство президента Переса[1] приняло решение о проведении неолиберальных реформ, которые не имели успеха, и Венесуэлу сразил новый жестокий экономический кризис. Население страны обвиняло существующий режим в неспособности решить проблемы, а политические партии как главное воплощение режима полностью утратили свой авторитет (см. Hellinger, 2006: 5–6; Myers, 2007: 280–285).

[1] Карлос Андрес Перес – президент Венесуэлы в 1974–1979 и 1989–1993 гг.

Не удивительно, что в такой ситуации на президентских выборах 1998 г. Уго Чавес набрал 57 % голосов. Чавес персонифицировал собой оппозицию либеральной демократии эры «Puntofijismo». Он не являлся членом ни одной из политических партий и был лидером той самой группы военных, которая в 1992 г. совершила попытку государственного переворота в стране. Хотя переворот был неудачным, он стимулировал оппозиционное существующему режиму движение. Основным лозунгом предвыборной кампании нового президента было обещание заменить несправедливый порядок новым демократическим строем, отвечающим нуждам людей (Myers, 2007: 283–285).

Основным остается вопрос – почему, казалось бы, сильная двухпартийная система Венесуэлы не смогла выбраться из кризиса? Причин можно назвать две: «*устройство политических институтов и влияние нефти на экономическое развитие, политическую культуру и модели политической репрезентации*» (Roberts, 2003: 39–41). Что касается институциональных причин кризиса партийной системы, то Майкл Коппедж утверждает, что чрезмерная институционализация венесуэльской партийной системы подорвала демократию: сильные политические партии доминировали надо всей сферой политической жизни страны, что привело к блокировке всех неформальных путей для граждан быть услышанными. Другие авторы (Хавьер Корралес, Стивен Левитски) отмечают факт бюрократизации партий, что привело к организационной жесткости и негативно сказалось на процессе адаптации к новым социальным и экономическим реалиям. Учитывая влияние нефти на политическое и экономическое развитие, Терри Карл пришла к выводу, что «*доступность чрезмерных доходов от продажи нефти привела к созданию интервенционистского, но весьма неэффективного государства, к сумасбродной экономической политике и патронажной партийной системе, которая скатилась в кризис, так как утратила способность обеспечивать общественные нужды и предоставлять блага широкому кругу клиентов*» (все примеры и цитаты взяты из Roberts, 2003: 41–42).

Если в Венесуэле существовавшая партийная система дискредитировала себя, то в Беларуси она, как и остальные демократические институты, на момент первых президентских выборов в 1994 г. находилась в зачаточном состоянии. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в стране начали возникать политические партии, но им требовалось время, чтобы набрать силу и завоевать доверие избирателей. В условиях жесточайшего экономического кризиса после распада СССР сделать это было очень сложно. Для борьбы с кризисом правительство было вынуждено запустить некоторые либеральные реформы, однако немедленного результата они не принесли, что еще более усугубило социально-политическую ситуацию в стране. В результате первым – и на данный момент единственным – президентом страны стал Александр Лукашенко, беспартийный член пар-

ламента с репутацией борца с коррупцией (остальные кандидаты были на тот момент или ранее наделены властными полномочиями, либо представляли политические партии, а население не доверяло ни тем, ни другим).

Победа Лукашенко пришлась на период не только слабых демократических институтов, но и отсутствия какой-либо национальной идентичности и политической культуры белорусского народа. Филипп Шмиттер отмечает, что транзитологи никогда не придут к единому мнению о том, с чего следует начинать процесс демократизации: с политической либерализации или экономических реформ. Однако все они согласны с тем, что «*предпочтительно, если не необходимо, чтобы национальная идентичность и территориальные границы были обозначены прежде запуска любых реформ*» (Schmitter, 1995: 29).

Проблемы с национальной идентичностью в Беларуси существуют из-за длительного периода влияния внешних сил и процессов полонизации и русификации. По словам Виталия Силицкого, в советское время возникла новая идеология, скрестившая идеи коммунизма и восхваление партизанского движения во время Второй мировой войны. В результате возник «советский белорусский патриотизм», который занял прочную позицию в умах белорусов и подкреплялся относительно высокими стандартами жизни во время правления популярнейшего Петра Машерова, чей стиль руководства характеризовался патерналистскими отношениями между государством и обществом (Silitski, 2006). В этом контексте приход Лукашенко под лозунгом восстановления порядка и возврата в светлое прошлое не вызывает удивления.

После того, как выяснены причины, по которым стал возможен приход к власти популистских режимов в Беларуси и Венесуэле, в следующем разделе предлагается сравнительный анализ некоторых аспектов этих двух режимов, которые теория популизма называет определяющими (предпочитающий персональный стиль правления харизматичный лидер, пренебрежение посредническими политическими институтами, националистическая экономика и политика перераспределения доходов через социальные программы, нацеленные на помощь малообеспеченным слоям населения). Следует отметить, что ни одна из перечисленных характеристик, взятых отдельно, напрямую не связана с популизмом. Именно набор характеристик позволяет причислить тот или иной режим к популистскому.

## III. Политическое измерение популизма в Венесуэле и Беларуси

*Харизматичный лидер.* Как отмечалось выше, популист – это харизматичный лидер. Он привлекает электорат скорее своими личностными качествами, чем политической программой или принадлежностью к какой-либо организации (хотя эти факторы тоже могут иметь значе-

ние). Венесуэльский президент Уго Чавес безусловно обладает харизмой. Этот факт отмечают не только его сторонники, но и оппоненты. Например, в интервью 1999 г. Дуглас Браво, соратник Чавеса и его сторонник, отмечает: «*Я довольно хорошо знаю Чавеса. Я знаком с ним с 1982 г., когда он и другие офицеры были членами конспиративной организации. […] Чавес – это человек разумный, смелый, общительный, харизматичный. Лидер от природы. С даром руководителя*» (Garrido, 1999: 21 в Hawkins, 2003: 1146).

Моизес Наим, венесуэльский экономист, не являющийся почитателем Чавеса, высказался следующим образом после провала путча и появления Чавеса на телеэкранах в 1992 г.:

«Чавес… был неотразимым и необычным образом для телезрителей, привыкших к словесным и политическим маневрам традиционных политиков: публичная особа, признавшая свой личный провал и воздавшая похвалу другим; сохранившая решительность даже после поражения; берущая на себя ответственность и не стремящаяся избежать последствий своего поступка. Его телевизионный имидж сообщал возможность перемен, отказ от политических и экономических схем, которые винили в проблемах страны. Новое лицо, не имеющее ничего общего с традиционными властными структурами и предлагающее возродить благосостояние, равенство и целостность нации, было тем элементом, который был вынужден взывать к широким массам. То, что элемент был, по сути, примитивным армейским тираном, было легко скрыто за иллюзией того, что любая перемена означала прогресс» (Naim, 1993: 101–102, цитируется по Hawkins, 2003: 1148).

Эти высказывания с обеих сторон – как последователей, так и противников венесуэльского президента – подтверждают тезис о способности Чавеса привлекать внимание и завоевывать сердца людей. Его слышат, его образ отличается от других политиков и, соответственно, привлекателен для избирателей. Он обещает перемены, и люди верят, что эти перемены – к лучшему. Способность признать поражение и принять неудовлетворительные результаты (как это было с референдумом 2007 г. о внесении поправки в конституцию о снятии ограничений на президентские сроки) делает Чавеса в глазах электората сильным человеком с моральными принципами и уважением к мнению народа.

Харизма Чавеса признается не только внутри страны. Мировая общественность имела немало поводов убедиться в силе его личности. Нет нужды упоминать речи Чавеса на международных встречах, таких как Генеральная Ассамблея ООН, во время которых он обычно обвиняет США в империализме. Он изъясняется простым языком, понятным простым людям, и иногда использует поэтические выражения, добавляющие его речи колорит. Он ведет ежедневную радиопрограмму «Алло, президент!», в которой отвечает на звонки простых людей, жалующихся на безработицу или сложные бюрок-

ратические процедуры при получении пособий (Hellinger, 2006: 9). Он любит спорт и всячески подчеркивает свою связь с простыми людьми. Взамен люди голосуют за него на выборах.

Белорусский президент Александр Лукашенко не менее харизматичен, чем его венесуэльский коллега и друг. Как уже упоминалось ранее, он заработал популярность во время работы депутатом в парламенте, используя дискурс борьбы с коррупцией, хотя на тот момент у него не было для этого достаточных административных ресурсов. Он построил свою президентскую кампанию на популистском лозунге «Назад в СССР!», и люди поверили ему. На протяжении всего его президентского правления люди впечатлены риторическими способностями Лукашенко: он стал первым главой государства, способным «без бумажки» произносить речи, длившиеся часами, и давать ответы на любые вопросы незамедлительно и обширно.

Телевизионный образ Лукашенко всегда был симпатичен простым людям. Если его показывают во время правительственной встречи, он всегда ругает министров за плохую работу; если он едет в регионы, то всегда посещает заводы или колхозы и общается с рабочими и крестьянами, выслушивает их проблемы и на месте отдает администрации приказ «всё решить». Он приобрел имидж спортивного человека: играет в хоккей, катается на лыжах и любит большой теннис. Президент позиционирует себя в качестве простого человека, который посвятил жизнь служению своему народу и защите его от коррумпированных бюрократов. Его общность с простыми людьми подчеркивается использованием «трасянки» – особого языка, смеси русского и белорусского, распространенного среди сельского населения и малообразованных горожан. Эта манера применения неграмотного языка как бы сигнализирует простым людям: «Я один из вас!». Однако самым говорящим примером харизмы Лукашенко, пожалуй, является прозвище, данное ему людьми и широко используемое в средствах массовой информации – Батька.

*Пренебрежение посредническими институтами.* Как отмечалось выше, политик-популист пренебрегает посредническими политическими институтами, не опирается ни на какую политическую партию, а если и создает какую-либо организацию, то использует ее только для достижения своих личных целей. Он видит в политических партиях и других институтах ограничение своей власти и препятствие на пути воплощения в жизнь воли народа. Примеры политических режимов Уго Чавеса и Александра Лукашенко подтверждают этот тезис.

Чавес пришел к власти на волне антипартийных сантиментов в обществе. В 1990-е гг. обе главные политические партии Венесуэлы утратили доверие электората. Чавес был аутсайдером, не входил ни в одну из партий, и этот факт обеспечил ему большую часть голосов электората. Для целей предвыборной кампании Чавес использовал Движение пятой республики

(Movimiento V [Quinta] República). Его предшественники – Боливарская революционная армия 200 (Ejercito Revolucionario Bolivariano 200) и Боливарское революционное движение 200 (Movimiento Bolivariano Revolucionario 200) – были основаны в начале 1980-х гг. Они занимались подпольной деятельностью, направленной против существовавшей на тот момент партийной демократии. В 1992 г. члены движения совершили неудачную попытку государственного переворота и были арестованы. В 1994 г. их амнистировали решением президента Рафаэля Кальдеры, и в последующие годы Чавес занимался мобилизацией поддержки по всей стране. В 1997 г. Движение пятой республики было официально зарегистрировано в качестве участника выборов 1998 г. (Angel E. Alvarez, 2006: 22).

Движение пятой республики включает в себя различные группы, ассоциации, партии и независимых членов и не имеет какой-либо определенной идеологии. Изначально в него входили партии, образовавшиеся в результате внутренних расколов в AD в 1960-е гг.: «Bandera Roja» («Красный флаг» – радикальная левая организация с сильными позициями в университетской среде), Социалистическое движение и несколько бизнесменов. У движения никогда не было особой институциональной структуры (Hawkins, 2003: 1149–1150). Оно сохраняет свое имя как движение, и Чавес старается не допустить создания постоянной политической структуры. Для каждых избирательных и иных политических событий он создает неформальные организации (они называются «командные группы»), которые приставляются к формальным структурам. Чавес контролирует все эти образования, которые легко мобилизовать и распустить, не допускает раздробленности и назначает всех членов групп лично, использует средства массовой коммуникации (телевидение, радио, Интернет) для связи с этими группами и утверждает, что это воплощение прямой или электронной демократии. «*Движение пятой республики – это национальное образование, сплав первичных групп, тактических округов и формальных и неформальных средств коммуникации, действующих по прямому указу президента*» (Angel E. Alvarez, 2006: 22).

Кирк Хоукинс отмечает, что у движения нет своей идентичности. Оно тесно связано с именем Уго Чавеса и получило поддержку на выборах исключительно из-за лидера. В уличных интервью, которые исследователь проводил в 1999 и 2000 гг., люди не могли дать ответ на вопрос о том, где находится штаб-квартира движения, в то время как адреса головных офисов партий, прежде стоявших у руля, – AD и COPEI – были известны большинству населения. Основными символами движения являются красный берет десантника и силуэт солдатского лица, что также имеет прямое отношение к личности Чавеса: он служил десантником во время попытки военного переворота в 1992 г. (Hawkins, 2003: 1150).

Что касается управленческой структуры, то согласно уставным

документам это движение организовано аналогично AD и COPEI. У него есть национальный, региональный и муниципальный уровни. Документы предписывают определенные задачи каждому административному уровню и представляют движение как достаточно традиционную демократическую партию. Однако в реальности ситуация немного другая. Корреспонденты признали, что документально зафиксированные демократические процедуры принятия решений, избрания лидеров движения и кандидатов для выборов не соблюдаются. Обычно все эти вопросы решаются на национальном уровне высшим руководством. Существование движения основывается на фигуре Чавеса, и он обладает решающим голосом по всем вопросам (Hawkins, 2003: 1150–1151).

Александр Лукашенко пришел к власти как независимый кандидат без поддержки какой-либо политической партии. Во время всего своего президентства он остается беспартийным. В целом его отношение к политическим партиям и неправительственным организациям доказывает его диктаторские склонности. Несмотря на то что существование этих организаций в Беларуси юридически возможно, любая оппозиционная структура постоянно находится под угрозой исчезновения с официальной политической арены: она может быть запрещена либо просто не пройти процедуру регистрации или перерегистрации.

На этом фоне 2007 г. стал отличительным в том плане, что в Беларуси была зарегистрирована новая неправительственная организация. Политики, известные спортсмены, музыканты и другие члены инициативной группы собрались в Минске и договорились о создании организации под названием «Белая Русь». В проекте программы НПО прямо заявляется, что эта организация полностью поддерживает президента Александра Лукашенко, его курс социально-экономического и политического развития страны. Целью организации является широкомасштабная помощь в выполнении стратегических задач, определенных главой государства (*Народная газета*, 8 апреля 2008). Руководитель «Белой Руси» пообещал сделать организацию крупнейшей в стране. Это обещание стало активно выполняться: местные ячейки организации созданы по всей республике, в каждом университете, школе, государственном предприятии. В средствах массовой информации встречаются сведения о том, что многих, особенно тех, кто занимает руководящие должности, уже вынудили стать членами этой организации под угрозой увольнения (Под белы руки…, 2008). К 15 марта 2008 г. организация уже насчитывала пятьдесят тысяч членов (Численность членов…, 2008).

Несмотря на то что президент Лукашенко очень четко дал понять, что он не намерен когда-либо возглавить «Белую Русь», даже если она переродится в политическую партию (Лукашенко не намерен…, 2008), простые люди и политические эксперты уверены, что организация была создана с согласия главы государства. Информационные агентства приводят

данные о том, что на первое апреля 2008 г. почти все правительственные чиновники и 40 % членов парламента вошли в организацию (Ильичёва, 2008). Организация такого типа необходима режиму, чтобы показать Западу свою легитимность и популярность среди населения: даже во время экономических трудностей люди поддерживают своего президента и политику, которую он воплощает. Еще одной причиной для создания «Белой Руси» было приближение парламентских выборов в Беларуси. Глава НПО заявил, что организация будет принимать участие в выборах и поддерживать своих членов.

Сейчас трудно прогнозировать, как НПО «Белая Русь» будет развиваться в будущем. Политические обозреватели предсказывают, что она может быть реорганизована в политическую партию, которую для избирательных целей будет использовать сын Лукашенко – он может «унаследовать» президентство. Однако в данном случае стоит отметить, что ни Чавес, ни Лукашенко никогда не претендовали на членство в какой-либо политической партии и пришли к власти, будучи беспартийными кандидатами, что принесло им дополнительные очки в предвыборной кампании. Эти лидеры пренебрегают политическими партиями и стремятся наладить прямой контакт с избирателями. Даже те организации, которые уже существуют в обеих странах (Движение пятой республики в Венесуэле и «Белая Русь» в Беларуси), имеют нечеткую структуру, им недостает идентичности, при этом они служат личным нуждам популистских лидеров.

Другим примером попытки обойти посреднические институты в исследуемых странах могут служить правление по декрету в Беларуси и миссии – в Венесуэле. Следует отметить, что эти практики были популярны на начальных этапах правления соответственно Лукашенко и Чавеса, и на данный момент их значение упало в обеих странах. Однако данные примеры являются важными для полноты картины.

В белорусской конституции закреплена возможность прямого президентского правления двумя видами президентских постановлений: декретами и указами. Согласно ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», декрет – это «*нормативный правовой акт Главы государства, имеющий силу закона, издаваемый в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на основании делегированных ему Парламентом законодательных полномочий либо в случаях особой необходимости (временный декрет) для регулирования наиболее важных общественных отношений*»; указ – «*нормативный правовой акт Главы государства, издаваемый в целях реализации его полномочий и устанавливающий (изменяющий, отменяющий) определенные правовые нормы*». И декреты, и указы издаются президентом, не нуждаются в одобрении парламента или народа через референдум и в большинстве случаев имеют более

высокую юридическую силу, чем закон (ст. 37 Конституции Беларуси).

Особенной чертой правления Чавеса при проведении социальных и экономических кампаний является то, что они осуществляются через так называемые миссии. «Миссия Робинзон» получила средства на то, чтобы дать основные навыки чтения, письма и счета необразованным взрослым людям, число которых на момент выборов 1999 г. составляло 1,5 млн. «Миссия Гуайкайпуро» была создана, чтобы обеспечить культурные права и права собственности коренным народам Венесуэлы. Другие миссии обеспечивают помощь беднякам – раздачу еды, медицинскую помощь и т. д. (Llosa, 2008). Миссии создавались, чтобы обойти соответствующие министерства, так как Чавес считает всех бюрократов коррумпированными. Средства для миссий идут через президента из государственной нефтяной компании «Petroleos de Venezuela», и их использование тщательно отслеживается (Myers, 2007: 294).

И правление по декрету белорусского президента, и миссии главы Венесуэлы представляют собой примеры обхода национальных парламентов и министерств для проведения различных политик. Лукашенко и Чавес не доверяют демократическим институтам и считают чиновников коррумпированными и нечестными. Такая тенденция личного контроля над процессом принятия решений и их выполнения подтверждает тезис о том, что популистские политики стремятся к персональному стилю лидерства.

## IV. Социально-экономическое измерение

*Националистическая экономика.* Давайте взглянем на экономическую составляющую режима Лукашенко. Белорусская экономика характеризуется большой долей предприятий государственной собственности. Даже тот небольшой частный сектор, который существует в Беларуси, подвергается пристальному контролю со стороны правительства. Не так давно (в 2008 г.) Лукашенко отменил так называемое правило «золотой акции», которое существовало в стране с 1997 г. «Золотая акция» позволяла правительству вмешиваться в управление любым предприятием, которое было создано в период денационализации и приватизации. Таким образом, она применялась даже в отношении тех предприятий, в которых государство не обладало никакой долей собственности. «Золотая акция» применялась в случаях, когда предприятие не могло выплатить заработную плату в течение трех месяцев подряд либо показывало негативный бухгалтерский баланс в течение шести месяцев. Вмешательство оправдывалось желанием защитить интересы работников и самого государства. Однако, с другой стороны, «золотая акция» отпугивала потенциальных инвесторов от вложения средств в белорусские предприятия (Belarus' Lukashenko …, 2008).

Несмотря на общепринятое мнение, что капиталистическая экономика развивается быстрее, чем другие

формы экономической организации, белорусская командная экономика показывала неплохие результаты. К 1998 г. годовой экономический рост составлял 11 %; после 1998 г. наметился спад, и в 2001 г. Беларусь была одной из тех, кто показал наихудшие результаты среди бывших республик СССР. Однако к 2004 г. рост вновь достиг отметки 11 % (World Bank). Эти цифры могут указывать на зависимость белорусской экономики от ее основного партнера – России. Рост, возможно, объясняется поставками дешевых энергоресурсов, а спад белорусской экономики совпал с экономическим дефолтом в России в 1998 г. Российские субсидии позволили Лукашенко сохранить те огромные предприятия, которые достались стране в наследство с советских времен. Единое таможенное пространство двух государств создает много возможностей для белорусских экспортеров, особенно после того, как Россия ввела ограничения на импорт из других стран СНГ (Silitski, 2006).

Государственная экономика выгодна режиму по двум причинам. Во-первых, поскольку в Беларуси никогда не было такой масштабной приватизации, как в России и Украине, в стране не возник влиятельный класс олигархов, которые могут пошатнуть авторитет президента. Во-вторых, поскольку государство контролирует почти все предприятия, на которых занято большинство населения, оно поддерживает тотальную занятость и использует этот фактор для обеспечения лояльности электората. Многим это напоминает советскую тактику «скрытого социального контракта», когда люди получали благосостояние в обмен на лояльность (Silitski, 2006).

Российские субсидии белорусской экономике в виде снабжения дешевыми газом и нефтью, которые правительство использует на внутреннем рынке, а также экспортирует их – но уже по более высоким ценам – европейским потребителям и использует доходы для поддержания режима, наводят на мысль о парадигме государства-рентополучателя. Государство-рентополучатель было изначально определено Хусейном Махдави как «*государство, которое получает значительную ренту от иностранных лиц, концернов или правительств*» (Mahdavy, 1970: 428). Позже Хазем Беблави представил более широкое определение, заявив, что это такое государство, «*где рента поступает от иностранных акторов напрямую в распоряжение государства и где рента получается немногими, большинство же вовлечено в ее распределение и использование*» (Beblawi, 1987: 51).

В этой связи необходимо подчеркнуть, что государству-рентополучателю нет надобности облагать население налогами либо оно может ввести лишь невысокие налоги; основной функцией правительства является распределение ресурсов, поступающих из-за рубежа. Следовательно, правительство финансово не зависит от населения и не считает нужным отчитываться за свои действия. Обычно распределение ресурсов происходит через различные социальные программы, которые покупают лояльность электората (Luciani,

2005: 91-92). По моему предположению, Беларусь (по крайней мере до момента поднятия Россией цен на энергоресурсы) можно классифицировать как государство-рентополучатель.

По мнению большинства исследователей, основная поддержка режима Лукашенко идет от сельхозрабочих, низкоквалифицированных рабочих крупных предприятий и пенсионеров. Правительство использовало средства, полученные от перепродажи российской нефти, для инвестирования в различные социальные программы, направленные на помощь наименее защищенным слоям населения. Таким образом, теория государства-рентополучателя, возможно, применима к ситуации в Беларуси.

Венесуэла является классическим примером государства-рентополучателя. Страна богата нефтью; она входит в пятерку ведущих экспортеров и десятку по запасам этого природного ресурса в мире. Экономика страны построена на доходах от продажи нефти (которые составляют 80 % от всех экспортных доходов) и зависит от мировых цен на нее (Cesar J. Alvarez, 2006). Например, когда в 2002 г. рабочие государственной нефтяной компании «Petróleos de Venezuela» организовали забастовку в ответ на решение Чавеса уволить трех членов совета компании и остановили отправку нефти потребителям (Venezuela's General…, 2002), а Чавес уволил 17 тысяч рабочих, ВНП Венесуэлы в 2002 и 2003 гг. значительно снизился (Cesar J. Alvarez, 2006; Weisbrot and Sandoval, 2007: 8). Однако в 2004 г., с ростом мировых цен на нефть, экономика Венесуэлы начала восстанавливаться, и в 2005 и 2006 гг. ежегодный рост ВНП составил 10,3 % (World Bank data).

«Petróleos de Venezuela» – это государственная компания, и с момента национализации нефти в 1976 г. она действовала как «государство в государстве». Она снабжала правительство необходимыми ресурсами для проведения различных государственных программ и взамен получала свободу в формировании национальной нефтяной политики. Некоторые сегменты венесуэльского общества были обеспокоены деятельностью компании. Они полагали, что она могла бы больше инвестировать в национальное благосостояние и меньше тратить на собственную бюрократию и международные рискованные предприятия: в стране, настолько богатой природными ресурсами, большинство населения все еще жило за чертой бедности, в то время как люди, связанные с нефтяным бизнесом, пользовались всеми мыслимыми благами (Tinker-Salas, 2005).

В этих условиях обещания кандидата в президенты Чавеса в 1998 г. использовать доходы от нефти на социальные программы нашли отклик в сердцах простых людей и представителей низшего среднего класса, чье экономическое положение ухудшалось на протяжении двух предыдущих десятилетий. После избрания на пост Чавес усилил контроль за «Petróleos de Venezuela» и заставил руководство компании взять обязательство инвестировать минимум

10 % от доходов компании в государственные социальные программы (Cesar J. Alvarez, 2006). Конституция Венесуэлы закрепила запрет на приватизацию «Petróleos de Venezuela», но не запретила приватизации дочерних предприятий. В ноябре 2001 г. Чавес издал декрет, который гарантирует государству минимум 51 % акций дочерних предприятий компании (Hellinger, 2006: 7).

Кроме усиления контроля над основным гарантом дохода (а значит, и устойчивости режима), т. е. нефтяным бизнесом, Чавес остановил приватизацию национальной системы социального обеспечения и алюминиевой промышленности, запланированную предыдущим неолиберальным правительством, создал посредническую комиссию для пересмотра контрактов на распределение сельскохозяйственных угодий, которое могло привести к потере земли собственниками (Ellner, 2005), и национализировал главную телекоммуникационную компанию Венесуэлы (Sabino, 2007). Причины таких действий Чавеса могут быть аналогичными причинам сохранения большого государственного сектора в белорусской экономике – контроль над олигархами и сохранение лояльности простых людей посредством инвестирования средств в социальные программы.

Анализ экономической политики двух государств выявил между ними большое сходство. Беларусь и Венесуэла относятся к государствам-рентополучателям, пока обе страны используют доходы от продажи энергетических ресурсов (нефть и газ) для поддержания режима (хотя в этом случае Венесуэла находится в более выгодном положении, т. к. она использует свои собственные природные ресурсы, а Беларусь во многом зависит от России). Оба государства используют средства, полученные от продажи, на социальные программы для поддержания лояльности наименее обеспеченных слоев населения, которые составляют большинство электората.

*Политика перераспределения доходов – социальные программы.* С самого начала своего президентства Чавес начал проводить различные программы, нацеленные на улучшение благосостояния населения. В результате появился так называемый «План Боливар», который предусматривал строительство дорог, жилья и широкомасштабную иммунизацию населения (Wilpert, 2003). Президент начал проводить ряд реформ для улучшения социального благосостояния, например, нацеленных на снижение детской смертности, создание бесплатной (спонсируемой государством) системы здравоохранения, внедрение бесплатного образования вплоть до университетского уровня. Реформы оказались успешными, статистика показала увеличение числа учеников начальной школы на 1 млн, показатели детской смертности упали к 2006 г. на 20 % (Central Intelligence Agency, The World Factbook, Venezuela).

Это всего лишь небольшая доля примеров социальных реформ, проводимых Чавесом. В этой связи следует отметить, что реформы принесли выгоду всем ранее обездоленным

слоям населения (бездомным, беднякам, крестьянам, коренному населению, рабочим). Все эти реформы возможны в Венесуэле лишь благодаря огромным запасам нефти и высоким ценам на этот природный ресурс на мировом рынке. Все эти реформы находят признание среди населения, что выражается во время выборов.

Белорусская система социального обеспечения все еще выглядит практически так же, как это было в советские времена. Население пользуется бесплатным здравоохранением, школьным образованием и возможностью получить бесплатное высшее образование в зависимости от достижений. Школьное образование обязательно для всех детей. Плата за коммунальные услуги субсидируется государством, более того, есть много групп населения (например, ветераны Второй мировой войны и войны в Афганистане, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС, многодетные семьи), которые получают льготы на оплату коммунальных услуг. Эти группы населения и некоторые другие (студенты, пенсионеры) также долгое время пользовались многими другими благами (в том числе 50-процентными скидками на проезд в городском и междугородном общественном транспорте внутри страны). Многодетные семьи могут воспользоваться программой социального жилья, которая позволяет приобрести новые квартиры со значительными скидками и даже бесплатно, если в семье воспитывается пять и более детей.

Как и в Венесуэле, осуществление этих программ было возможно благодаря субсидиям, которые Россия предоставляла белорусской экономике в виде дешевых энергетических ресурсов, и политике перераспределения, проводимой белорусским правительством. Многие из этих программ были нацелены не только на самые неблагополучные слои, а на все население в целом; однако малообеспеченные слои более всего выигрывали от этих программ, так как те являлись единственной возможностью для выживания (в то время как другие классы могли позволить себе альтернативу коммерческого сервиса).

## Заключение

В этой статье анализировались и сравнивались два политических режима – Уго Чавеса и Александра Лукашенко. Эти режимы рассматривались через призму теории популизма как политической стратегии, которая обычно применялась к странам Латинской Америки и была не очень популярна при анализе восточноевропейских государств. Однако, как показало сравнение, классические популистские режимы могут возникать не только на одном определенном континенте, а проявляться и в других частях мира, обладая схожими характеристиками.

**Литература**


1. Ильичёва, Н. *Около 40 % депутатов Палаты представителей вступили в «Белую Русь»* // Белорусское телегр. агентство БЕЛТА [Электронный ресурс]. 2008. 1 апр. Режим доступа : http://www.belta.by/ru/news/society?id=208681. Дата доступа : 2.06.2008.
2. *Лукашенко не намерен возглавлять «Белую Русь»* // Агентство «Интерфакс» [Электронный ресурс]. 2008. 26 апр. Режим доступа : http://www.interfax.by/news/belarus/39661. Дата доступа : 2.06.2008.
3. *Народная газета* [Электронный ресурс]. 2008. 8 апр. Режим доступа : http://www.ng.by/ru/articles/923/detail/20965/back.html. Дата доступа : 2.06.2008.
4. *Под Белы Руки в «Белую Русь»* // Хартия'97 [Электронный ресурс]. 2008. 4 марта. Режим доступа : http://www.charter97.org/ru/news/2008/3/4/4450/. Дата доступа : 2.06.2008.
5. *Численность членов «Белой Руси» превысила пятьдесят тысяч* // Интернет-портал TUT.BY [Электронный ресурс]. 2008. 15 марта. Режим доступа : http://news.tut.by/105262.html. Дата доступа : 2.06.2008.
6. Alvarez, A. E. *Social Cleaveges, Political Polarization and Democratic Breakdown in Venezuela* // Stockholm Review of Latin American Studies [Electronic resource]. 2006. Issue 1 (November). P. 4–17. Mode of access : http://www.lai.su.se/ml_text03.asp?src=161&sub=226&usub=236&intSida=540. Date of access : 1.06.2008.
7. Alvarez, C. J. *Venezuela's Oil-Based Economy* // Council on Foreign Relations [Electronic resource]. Nov 27, 2006. Mode of access : http://www.cfr.org/publication/12089/. Date of access : 27.05.2008.
8. *Belarus' Lukashenko abolishes "golden share" rule* // Belarus business portal bel.biz [Electronic resource]. March, 2008. Mode of access : http://belarus.bel.biz/content/view/169/98/. Date of access : 2.06.2008.
9. Beblawi, H. *The Rentier State in the Arab World* / Ed. by H. Beblawi, G. Luciani. The Rentier State. London : Croom Helm, 1987.
10. Central Intelligence Agency. *The World Factbook, Venezuela* [Electronic resource]. Mode of access : https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ve.html. Date of access : 29.04.2008.
11. Ellner, S. *Venezuela's "Demonstration Effect": Defying Globalization's Logic* [Electronic resource]. Oct 17, 2005. Mode of access : http://www.venezuelanalysis.com/analysis/1418. Date of access : 19.05.2008.
12. Hellinger, D. *Tercermundismo and Chavismo* // Stockholm Review of Latin American Studies [Electronic resource]. 2006. Issue 1 (November). P. 4–17. Mode of access : http://www.lai.su.se/ml_text03.asp?src=161&sub=226&usub=236&intSida=540. Date of access : 1.06.2008.
13. Hawkins, K. *Populism in Venezuela: the Rise of Chavismo* // Third World Quarterly. 2003. Vol. 24, No 6. P. 1137–1160.
14. Llosa, A. V. *Populism is back?* // Russia in Global Politics 2 [Electronic resource] (March-April 2006). Mode of access : http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5544.html. Date of access : 14.05.2008.
15. Llosa, A. V. *Inside Chavez's Mission*. The Center on Global Prosperity at Independent Institute (California) [Electronic resource]. Jan 23, 2008. Mode of access : http://www.independent.org/newsroom/article.asp?id=2107. Date of access : 3.05.2008.

16. Luciani, G. *Oil and Political Economy in the International Relations of the Middle East* // International Relations of the Middle East / Ed. by L. Fawcett. Oxford: Oxford University Press, 2005.
17. Mahdavy, H. *Patterns and problems of economic development in rentier states: The case of Iran* // Studies in the economic history of the Middle-East / Ed. by M. A. Cook. Oxford : Oxford University Press, 1970.
18. Myers, D. J. *Venezuela: Consolidating a Different Democracy* // Latin American Politics and Development (6th ed.) / Ed. by H. J. Wiarda, H. F. Kline. Westview Press, 2007.
19. Roberts, K. *Populism and Democracy in Latin America* [Electronic resource]. Atlanta : The Carter Center, 2000. Mode of access : http://cartercenter.org/documents/nondatabase/Roberts.pdf. Date of access : 1.06.2008.
20. Roberts, K. *Social Correlates of Party System Demise and Populist Resurgence in Venezuela* // Latin American Politics and Society. 2003. Vol. 45, No 3 (Autumn). P. 35–57.
21. Sabino, C. *The Venezuelian Economy in the Hands of State //* The Center on Global Prosperity at Independent Institute (California) [Electronic resource]. Jun 25, 2007. Mode of access : http://www.independent.org/newsroom/article.asp?id=1990. Date of access : 2.06.2008.
22. Schmitter, P. *Transitology: The Science or the Art of Democratization?* // The Consolidation of Democracy in Latin America / Ed. by J. S. Tulchin. Boulder : Lynne Rienner, 1995.
23. Silitski, V. *Still Soviet? Why Dictatorship Persists in Belarus* // Harvard International Review (Spring 2006) [Electronic resource]. Mode of access : http://www.harvardir.org/articles/1372/. Date of access : 23.05. 2008.
24. *Venezuela's General Strike Extended* // BBC News [Electronic resource]. Apr 9, 2002. Mode of access : http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/americas/1918189.stm.
25. Weisbrot, M., Sandoval, L. *Venezuelan Economy in the Chavez's Years* // Center for Economic and Policy Research Report (Washington) [Electronic resource]. 2007. Mode of access : http://www.cepr.net/documents/publications/venezuela_2007_07.pdf. Date of access : 2.06.2008.
26. Weyland, K. Ne*oliberal Populism in Latin America and Eastern Europe* // Comparative Politics. 1999. Vol. 31, No 4. P. 379–401.
27. Weyland, Kurt. *Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics* // Comparative Politics 34, 1. 2001. P. 1–22.
28. Wilpert, G. *Venezuela's Mission to Fight Poverty* [Electronic resource]. Nov 11, 2003. Mode of access : http://www.venezuelanalysis. com/analysis/213. Date of access : 2.06.2008.
29. World Bank data on Venezuela and Belarus [Electronic resource]. Mode of access : http://worldbank.org.